

щимы очарованія искусства, бездонно Толстовское море, и въ немъ потонули умыслы, все преднамѣренное и предвзятое. Тенденція порабощаетъ, Толстой же свободенъ. И надъ всяческой дидактикой возобладала духовная свобода.

Книги—событія. Порождаемая страстностью и заинтересованностью своихъ авторовъ, онѣ и у читателя не попадаютъ на мертвыя точки, въ зону душевнаго безразличія. Въ этомъ—ихъ великая дѣйственность, и оттого теряется граница между словомъ и дѣломъ.

Но, все-таки, въ началѣ было Слово. И потому все, что происходитъ отъ него, всѣ отъ Слова рожденныя слова лишь тогда поднимаются на самую вершину своихъ благодатныхъ вліяній, когда они проникнуты художественностью. Есть у слова поверхность, и есть глубина: въ послѣдней, въ нѣдрахъ слова, заложено искусство. Вотъ почему и Толстой вліятеленъ и властенъ больше всего, какъ художникъ.

Въ священныхъ тайникахъ Слова, въ тайнѣ искусства пребываетъ онъ, въ общемъ и главномъ, и на посмертныхъ страницахъ своего драгоценнаго наслѣдія. И то, что это такъ, то, что онъ—прежній, какъ бы символически подтверждается появленіемъ, среди новѣйшихъ его произведеній, одного старого, изъ эпохи его расцвѣта: я говорю о написанныхъ ранѣе 1862 г. рассказахъ „Тихонъ и Маланья“ и „Идиллія“. Если исключить изъ нихъ